

Научная статья

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-40-54

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАЦИЗМА И БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: ФИНАНСЫ И ЭКСПАНСИЯ

**Зубов В. В.<sup>1,2\*</sup>, Филиппов А. Р.<sup>3</sup>**

<sup>1</sup>Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

<sup>2</sup>Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация

<sup>3</sup>Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

\*Корреспондирующий автор, e-mail: zubov305@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.09.2024

После доработки 11.09.2024

Принята к публикации 23.09.2024

### Аннотация

**Цель.** Раскрытие особенностей и пределов влияния политической философии национал-социализма на функционирование немецкой банковской системы времён Третьего рейха.

**Процедура и методы.** Использованы дискурсивный метод, кластеризация, экстраполяция, историческая ретроспектива, сравнение и сопоставление источников, критико-концептуальный анализ.

**Результат.** Установлено, что заметное влияние на функционирование банковской системы Третьего рейха оказал праксиологический блок национал-социалистической философии, связанный с воплощением идеи единого преобразования социополитического ландшафта. Резюмируется также, что проникновение политической философии национал-социализма в банковскую сферу, являющееся частным случаем имплементации праксиологической доктрины Gleichschaltung, не носило всеобщего характера.

**Теоретическая и/или практическая значимость.** В российском гуманитарном знании положено начало изучению проблемы философских основ банковской деятельности сквозь призму немецкой социально-политической истории XX столетия.

**Ключевые слова:** банковская система, банковское регулирование, Германия, милитаризм, политическая философия, метафизика власти, Gleichschaltung

### Для цитирования:

Зубов В. В., Филиппов А. Р. Политическая философия нацизма и банковская система Третьего рейха: финансы и экспансия // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 40–54. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-40-54>

Original research article

## POLITICAL PHILOSOPHY OF NAZISM AND THE BANKING SYSTEM OF THE THIRD REICH: FINANCE AND EXPANSION

**V. Zubov<sup>1,2\*</sup>, A. Filippov<sup>3</sup>**

<sup>1</sup>Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<sup>2</sup>Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow, Russian Federation

© CC BY Зубов В. В., Филиппов А. Р., 2025.

<sup>3</sup>Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

\*Corresponding author, e-mail: zubov305@yandex.ru

Received by the editorial office 04.09.2024

Revised by the author 11.09.2024

Accepted for publication 23.09.2024

### Abstract

**Aim.** To reveal the features and limits of the political philosophy of National Socialism influence on the functioning of the German banking system during the Third Reich.

**Methodology.** The discursive method, clustering, extrapolation, historical retrospective, comparison of sources, critical-conceptual analysis were used.

**Results.** It has been established that the praxeological block of National Socialist philosophy, associated with the implementation of the idea of a uniform transformation of the sociopolitical landscape, had a noticeable influence on the functioning of the banking system of the Third Reich. It is also summarized that the penetration of the political philosophy of National Socialism into the banking sector, which is a special case of the implementation of the praxeological doctrine of Gleichschaltung, was not universal.

**Research implications.** in Russian humanitarian knowledge, a beginning has been made to study the problem of the philosophical foundations of banking through the prism of German social-political history of the XX century.

**Keywords:** banking system, banking regulation, Germany, militarism, political philosophy, metaphysics of power, Gleichschaltung

### For citation:

Zubov, V. V. & Filippov, A. P. (2025). Political Philosophy of Nazism and the Banking System of the Third Reich: Finance and Expansion. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 40–54. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-40-54>

### Введение

Печальный опыт существования гитлеровской Германии, повлёкший за собой крупнейшее вооружённое столкновение в Европе в XX столетии, ещё долгое время будет предметом пристальной политико-философской рефлексии в общемировом дискурсе. Итоги Нюрнбергского процесса и получивший широкое освещение в прессе суд над Адольфом Эйхманом предопределили аподиктическое принятие антецедента нацизма и консеквента человеконенавистничества, соединённых Х. Арендт в метафорическую импликацию архетипа зла: «зло в своей абсолютной форме» [1, с. 31], которое «уже нельзя вывести из каких-либо по-человечески понятных мотивов» [1, с. 31], зло, утратившее «тот признак, по которому большинство людей его распознают – оно перестало быть искушением» [2, с. 224].

Тем не менее эмоциональные отголоски Второй мировой войны по мере естествен-

ного ухода невольных участников и жертв тех событий постепенно снижают остроту и подталкивают к критической ревизии заложенных смыслов и гипостазированных понятий. Возникает потребность в осмыслении обоснованности идеально-типических конструкций философского знания в свете их стыковки с исторической фактологией.

Определение нацистского режима как тоталитарного государства, получившее априорное признание в научном сообществе, закладывает экстремальную референцию всеобщности и всеохватности национал-социализма, свидетельствует о том, что политизация немецкого общества по лекалам нацистского истеблишмента затронула все сферы социетальной организации.

Как указывает Э. Джентиле, тоталитаризм, к которому исследователь, безусловно, относит нацистский режим, представляет собой «опыт политического господства, осуществляемого тем или иным револю-

ционным движением и утверждаемого посредством партии с военной дисциплиной; во главу угла ставится идея народного единства, предполагающая монополию на власть и после завоевания этой власти предусматривающая радикальное преобразование прежнего режима, достигаемое законными и незаконными путями, или его полное упразднение и затем создание нового государства, основанного на господстве одной партии, основная задача которой – полное завоевание общества, то есть установление строгой социальной иерархичности и даже формирование однородного и целостного общественного единства, достигаемого с помощью идеологических понятий, мифов и ценностей, исповедующих идею народного возрождения и формирующих своеобразную политическую религию, цель которой – радикальное “антропологическое” преобразование индивида и общества путём “антропологической революции”, создание нового человека, души и телом преданного революционным идеям и замыслам тоталитарной партии, стремящейся к созданию новой цивилизации, сверхнациональной по своей природе» [3, с. 135]. При этом к методам тоталитарного господства Э. Джентиле относит не только принуждение, «осуществляемое посредством насилия, подавления, террора» [4, с. 157], но и демагогию, включающую в себя пропаганду и политическую мобилизацию, тоталитарную педагогику, а также социальную дискриминацию [4, с. 157–158].

Однако, как видится, предусматриваемые амбиции на всепоглощающее господство, которые закладываются в концептуализацию тоталитаризма, в масштабах действительной политики натываются на препону в виде невозможности построения системы тотального контроля, которая де-факто остаётся лишь умозрительной асимптотой.

По нашему убеждению, характерным примером, демонстрирующим относительность тотальности нацистского режима, является исторический опыт функционирования банковской системы Третьего рейха, которая, несмотря на прочное вплетение в механизмы милитаризации Германии пла-

нового типа, не была всецело подчинена диктату национал-социалистической машины и одноименного мировоззрения.

Для обоснования выраженной в предыдущем абзаце позиции необходимо, на наш взгляд, соотнести политическую философию национал-социализма с немецкой банковской системой и на основе ретроспективы функционирования последней установить пределы влияния политико-философских начал нацизма на трансформации немецкого банкинга, связанные со сменой курса в сторону однопартийной расовоцентричной диктатуры.

Таким образом, целью настоящей публикации является раскрытие особенностей и пределов влияния политической философии национал-социализма на функционирование немецкой банковской системы времён Третьего рейха.

К задачам, направленным на достижение цели, относятся дробная характеристика элементов политической философии национал-социализма, очерчивание историко-фактологического абриса функционирования германской банковской системы времён господства гитлеровского режима, стыковка постулатов нацистской политической философии с ведущими тенденциями развития немецкого банкинга в период Третьего рейха.

Методологический базис настоящей статьи составили дискурсивный метод, кластеризация, экстраполяция, историческая ретроспектива, сравнение и сопоставление источников, критико-концептуальный анализ.

### **Политическая философия в целом и политическая философия нацизма в частности**

Политическая философия подлежит двоякому раскрытию – теоретико-политологическому и прикладному. В теоретико-политологическом отношении политическая философия – это наивысший (глубинный) уровень политического сознания, оперирующий «предельно общими категориями, такими как "порядок", "справедливость", "свобода", "равенство" и пр.»

[5, с. 21], результат «рефлексии о сущности и принципах функционирования» [5, с. 21] политического мира.

В прикладном плане политическая философия представляет собой базисные концептуальные положения какого-либо политического движения, лежащие в основу его идеологического фундамента и рассматривающие политику посредством наднациональных и кросс-темпоральных абстракций.

Политическая философия, как было нами замечено в ранних материалах, отграничивается от политической идеи, политической теории и политической идеологии.

Политическая идея – это любая единичная политически значимая мысль, выраженная в форматах мнения, утверждения, гипотезы и пр. Политическая теория – это структурированный набор политических идей, объединённых и обобщённых на базе общих принципов и исходных установок, актуальных непосредственно для данной теории. Политическая идеология – это система социально значимых взглядов и идей, направленная «на действительный политический процесс, в ходе которого должно произойти преобразование реальности» [5, с. 21]. Она состоит из таких компонентов, как «эмоциональная составляющая, этические оценки, аксиоматика, догматика, стереотипы, рациональное убеждение благодаря логическим приёмам и умозаключениям» [6, с. 133].

Политическая философия в её наиболее общем виде подразделяется на следующие срезы:

– онтический (метафизический) пласт – умопостижение политики в категориях трансцендентного порядка, высвечивающих существо феномена власти и суть властеотношений как нечто большее, нежели сведение политики к натурализованным средствам властвования, таким, как открытое принуждение (использование прямого физического или морально-психического давления на подвластного с целью скорейшего получения нужного результата), добровольное подчинение (совершение неинициативных социально-политических

актов под влиянием укоренившейся традиции или харизмы политического лидера), скрытое принуждение (использование манипулятивных приёмов в тех случаях, когда применение открытого принуждения видится невозможным и / или нецелесообразным);

– онтологический пласт – постижение политики посредством вскрытия существа властеотношений и политики (например, можно говорить о секционной онтологии власти – определении и осмыслении политики в контексте социальных конфликтов, неравенства и дезинтеграции – и несекционной онтологии власти – определении и осмыслении политики в контексте возможности достижения общественного согласия в ходе актов власти и подчинения);

– эпистемологический пласт – определение и приоритизация валидного категориального аппарата, предназначенного для решения эвристических задач сообразно с внутренним убеждением создателя политико-философских конструктов и имеющимся интеллектуальным багажом (например, канализирование философского мышления в категории классовой борьбы и диктатуры пролетариата – для сторонников коммунистической парадигмы, редуцирование познавательного потенциала категориями правового государства, прав человека и разделения властей – для последователей либерального мировоззрения и т. д.);

– аксиологический пласт – артикуляция и принятие определённого корпуса ценностей, представляющихся важными для рефлексии и, возможно, последующей имплементации в действительное социополитическое пространство;

– этический пласт – установление и признание в качестве императива определённых границ (меры) одобряемого и дозволенного поведения, соответствующих принимаемым воззрениям о должном и недолжном, справедливом и несправедливом, нравственном и аморальном;

– акмеологический пласт (поиск путей физического и интеллектуально-нравственного преобразования индивидов для достижения ими высшей ступени персонального

развития посредством политики и через политику; особое значение данный компонент политической философии приобретает в тоталитарных умопостроениях, основанных, как заметил Э. Джентиле, на идее «антропологической революции» [3, с. 135]);

– праксиологический пласт – экспликация возможностей и пределов трансформации наличной политической жизни сообразно с постулатами ранее обозначенных пластов политической философии.

Далее постараемся переложить выявленные пласты политической философии на национал-социалистическое мировоззрение.

Метафизические начала нацистской политической философии состоят в экспликации бытия лидера национал-социалистического движения через свободу фюрера, которая детерминирует его неограниченную власть. Свобода фюрера, его творческая энергия, согласно метафизике нацизма, представляют собой нечто большее, нежели наличное бытие нацизма как проводимого им политического курса. Присутствие лидера национал-социалистического движения манифестируется в том числе через нуминозные переживания его последователей: «Подходя во время выступления к трибуне, лидер нацистов выдерживал нарочитую паузу в течение нескольких секунд, прежде чем огласить послание. Тем самым он создавал напряжение среди слушателей и концентрировал внимание аудитории, которая затем восторженно слушала его речь» [7, с. 98].

Однако метафизическое присутствие Гитлера, связанное с сегментом явлений и видимостей, не исчерпывает феномена фюрера, представляющего, если брать за основу хайдеггеровскую методологию, «себя-само-по-себе-кажущее» [8, с. 47].

Более того, философские изыскания М. Хайдеггера могут быть чрезвычайно полезными для экспликации свободы и бытия персоналий нацистов как стержневого элемента наличной политической системы. Как отмечает мыслитель, «свобода – это основание возможности вот-бытия ... она – корень бытия и времени и тем самым – основа понимания бытия во всей его широте и полноте» [9, с. 169].

Такая интерпретация свободы носит ярко выраженный трансцендентный оттенок, что подтверждается дальнейшими словами М. Хайдеггера: «Свобода есть вид причинности, а именно причинности неэмпирической, умопостигаемой, т. е. причинности разума, которая может быть в единстве с причинностью по законам природы» [9, с. 311–312].

Впрочем, идея о трансцендировании свободы, которая видится важной для раскрытия нацистской политической онтики, развивалась не только М. Хайдеггером. В частности, видный итальянский философ Дж. Джентиле утверждает, что «свобода не принадлежит природе в её абстрактности, но она не принадлежит и ни одной форме абстрактного логоса – ни логической истине, ни истине факта, ни закону, который предстаёт перед волей с принудительной необходимостью природной силы, – одним словом, ничему, что, противопоставляя себя в мысли субъекту, который мыслит свой объект, определяет его и заключает в строгие границы, фиксирует и лишает той жизни, которая свойственна актуальной духовной реальности» [10, с. 81–82].

Композиция онтологии нацистской политической философии детерминируется трактовкой власти и политики в конфликтоцентристском ключе, апологией однопартийной диктатуры в качестве фундаментального актора политики, вождизмом и народничеством.

Концептуальный базис конфликтологизма нацистской политической философии явственно изложен немецким юристом и политическим теоретиком Карлом Шмиттом, по мнению которого политические отношения можно редуцировать до модели противостояния «друзей» и «врагов»: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие *друга и врага*» [11, с. 301].

Причём, что важно, «понятия “друг” и “враг” следует брать в их конкретном, экзистенциальном смысле ... к ним не должны подмешиваться, их не должны ослаблять экономические, моральные и иные пред-



ставления, и менее всего следует брать их психологически, в частно-индивидуалистическом смысле, как выражение приватных чувств и тенденций» [11, с. 304].

Как было замечено одним из авторов настоящей публикации ранее, «конфликт для К. Шмитта, принимающий форму открытого противостояния, охватывает собой практически все институты современной политики и оказывает влияние на социальную структуру целиком» [12, с. 21]: «Такие слова, как “государство”, “республика”, “общество”, “класс”, и, далее, “суверенитет”, “правовое государство”, “абсолютизм”, “диктатура”, “план”, “нейтральное государство” или “тотальное государство” и т. д. непонятны, если неизвестно, кто *in concreto* должен быть поражён, побеждён, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова» [11, с. 306].

Бытийным ядром политической жизни, согласно философии нацизма, является институт партии как ведущей силы арийской расы. Партия в видении нацистской онтологии предстаёт как носитель цельного, построенного на ригоризме мировоззрения, не терпящего никаких компромиссов и претендующего на тотальную доминацию в немецком обществе. В структурном плане нацистская партия представляет собой конгломерат пропагандистских и организационных функций, соответствующих гитлеровскому видению вербовки симпатизантов: пропаганда должна охватывать весь немецкий народ, её предназначение – привлечение сторонников. Что до организации, то её цель состоит в отборе из сторонников партии её членов, которые в силу своих морально-волевых и расовых качеств готовы к активистскому политическому поведению.

Подобная апология партии, присущая нацизму, подвергалась критике в среде правых интеллектуалов. По мнению интегрального традиционалиста Ю. Эволы, «на практике понятие “партия” принадлежит парламентской демократии и означает объединение, защищающее данную идеологию в противовес другим идеологиям, отстаиваемым другими группами, за которыми

система признаёт равные право и законность ... Следовательно, можно сказать, что партия, ставшая “единственной партией”, тем самым, перестаёт быть “партией”, частью» [13, с. 76–77].

Совместно с литургическим культом партии, на который обращает внимание Э. Джентиле [4, с. 157], нацистская онтология включает в себя превознесение персоналии партийного лидера (фюрера), который, словно мессия, должен избавить немецкий народ от сонма накопившихся проблем. Причём, как мы постарались показать на примере навязывания Гитлером нуминозных переживаний публике, культ личности нацистского лидера имел как стихийный (зарождающийся в народных глубинах), так и вполне иницилируемый (т. е. специально воспроизводимый) характер.

Несмотря на ярко выраженный элитизм политической философии нацизма и её жёсткую направленность на социальное дифференцирование, в ядерный компонент национал-социалистической идеологии входит идеал народничества, связанный с общегерманской консолидацией на базе предлагаемого ценностного каркаса и выступающий предпосылкой государственного строительства. Народ, будучи следствием целенаправленного объединения расы, становится целью образования государственной организации, а значит, государство выступает в качестве средства к завоеванию народом своих позиций, но не в качестве самоцели.

В этом отношении нацистская идея народничества полностью укладывается в логику развёртывания тоталитарных социополитических конструктов, основанных на феномене политической религии. Как было замечено в работе Э. Джентиле, «политическая религия тоталитарного государства отличается от политической религии абсолютистского режима, поскольку затрагивает не только культ личности или династии, но в то же самое время и культ масс, представляемых правящим классом или лидером» [4, с. 189].

В данном аспекте нацистская онтология опять-таки расходится со статолатрически-

ми пассажирами из иных ответвлений правой политической философии. В частности, социально-политическим идеалом упомянутого выше Ю. Эволы является иерархизированное имперское монархическое государство с закреплением аристократического устройства. Не народ, но лишь избранная часть людей из «королевско-сакральной» касты» [14, с. 97] и «воинственной знати» [14, с. 97] является подлинным, витальным актором политического фундамента эйкумены, ибо только «аристократы вели свой род от “полубогов”, то есть существ, реально причастных к трансцендентным формам жизни и основавших то, что в высшем смысле этого слова можно назвать традицией» [14, с. 90].

Гносеологический уровень нацистской политической философии связывается с настройкой исследовательской оптики по стандартам расового мышления. Несмотря на то обстоятельство, что нацистская политическая культура основана на этатистских началах, предпосылкой совершенствования человеческой породы видится не столько государство, сколько раса.

Расология нацизма фундируется на биологическом ответвлении расовой мысли, в рамках которого предписываются не только строгое отграничение рас друг от друга на основании известной однородности внутри каждой из них, но и сепарация рас на вышестоящие и нижестоящие. Таким образом, под расой, согласно нацистской политической гносеологии, понимается общность, выделяемая на основе признака крови в её натуралистическом истолковании.

Рецепция биологизаторских пассажей в нацистскую расовую философию проходила по линии инкорпорации концептуальных положений одного из основоположников расовой теории XIX столетия – французского социолога Жозефа Артюра де Гобино. По мнению последнего, «мысль о врождённом, исходном и раз и навсегда установленном неравенстве между разными расами является одной из самых распространённых с незапамятных времён» [15, с. 46], при этом «всякая цивилизация берёт начало от белой расы и ничто не может

долго продержаться без её участия ... общество может быть великим и процветающим лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую её благородную группу ... сама эта группа принадлежит к самой развитой ветви нашего рода» [15, с. 198–199], а флагманом белой расы является арийский элемент («не было настоящей цивилизации у европейских народов без арийского влияния» [15, с. 201]). Вместе с тем Гобино с большим опасением относится к идее благотворного смешения рас: «Если смешение в определённой степени благотворно для большей части человечества, поднимая её на новую ступень и облагораживая его, это происходит только за счёт того же человечества, потому что опускает и унижает его, вносит в его плоть нервозность, оскорбляет его в самых благородных проявлениях; если даже допустить, что лучше превратить в посредственных людей мириады ничтожных существ, чем сохранить расу принцев, чья кровь, поделённая по частям, обеднённая, разжиженная, становится обесщещенным элементом подобной метаморфозы, не надо забывать то досадное обстоятельство, что процесс смешения не прекращается, что посредственности, созданные за счёт всего лучшего, объединяются в новые посредственности и что из таких браков, всё более и более деградирующих, рождается смесь, которая, наподобие вавилонской башни, приводит к полному бессилию и заводит общество в безысходный тупик» [15, с. 198].

Впрочем, жёсткое секционирование рас на вышестоящие и нижестоящие, позитивно воспринятое национал-социалистическим мировоззрением, не являлось общим местом для немецкой расовой теории.

Видный расовый теоретик Ганс Ф. К. Гюнтер проводит мысль о том, что *«нет единого мерила ценности всех рас и народов: каждый народ создаёт свои собственные ценности»* [16, с. 101]. Кроме того, *«ни одна раса на Земле не имеет ценности сама по себе ... Ценность расы это всегда ценность определённой расы для определённой цивилизации»* [16, с. 101].

Сходную позицию занимает Л. Ф. Клаусс: «...Расовая психология, ко-

торая, в конечном счёте, одна лишь может судить о ценностях расовой души, с самого начала чётко учила, что каждая раса имеет высшую ценность в себе самой. Каждая раса носит в себе самой свою традицию и свой масштаб ценностей, которые нельзя измерять масштабом другой расы» [17, с. 32–33]. Более того, «расовое духовное начало заключается не в наличии тех или иных качеств, а в том, в каких действиях проявляются эти качества, если они присутствуют отдельно человеку» [17, с. 34].

Важно также отметить, что расовый биологизм нацистской политической философии подвергался критике не только в Германии. Ю. Эвола в противовес трактовке расы по признаку субстратной общности крови предлагает супранатуралистическое толкование расы: «Возвращение к расе для нас не может означать возвращение к крови – особенно в наши мрачные времена, когда восстановление должной расовой чистоты уже почти невозможно. Оно должно означать возвращение к духу расы, не в тотемистском, а в аристократическом смысле, то есть к зародышу нашей “формы”, нашей культуры» [14, с. 92].

Аксиологическую основу нацистской философии составляют культ силы (в физическом и психическом измерении) и стремления к превосходству, апология догматической последовательности собственных взглядов вплоть до принципиального отрицания каких бы то ни было компромиссов в ходе имплементации исповедуемых мировоззренческих установок, осознание необходимости элиминации ресентимента, вызванного зависимым международным статусом Германии до установления нацистского господства, принятие ценностей гуманизма и пацифизма исключительно через господство вышестоящей (арийской) расы.

Этика нацистской политической философии прочно покоится на началах нравственного консеквенциализма, согласно которому моральная допустимость тех или иных поступков определяется не господствующими в обществе и/или признаваемыми на индивидуальном уровне

представлениями о желаемом или табуированном поведении, а исключительно полезностью предпринимаемых шагов для достижения поставленных политико-социальных задач.

В свете вышесказанного интересным представляется обращение к позиции Г. Геринга, высказанной им в ходе Нюрнбергского процесса относительно способов политического участия соотносительно с идеями нацистского движения. На вопрос своего защитника Отто Штаммера о том, «считалось ли возможным достижение этих целей [целей партийной программы – В. З., А. Ф.] любыми средствами, даже незаконными средствами?»<sup>1</sup>, Г. Геринг отвечает: «Конечно, они должны были быть достигнуты любыми средствами»<sup>2</sup>. При этом Геринг, будучи вторым человеком в нацистской вертикали и самым высокопоставленным обвиняемым Нюрнбергского трибунала, последовательно проводит нарратив нравственного релятивизма и фактически «очищает» властеотношения от этических максим: «Само собой разумеется, что раз уж мы пришли к власти, мы решили сохранить власть при любых обстоятельствах»<sup>3</sup>.

Соответственно, нравственный консеквенциализм, полностью подчинённый крайтоцентристским установкам нацистского истеблишмента, предписывает индифферентное отношение к актам эксплозивного и имплозивного насилия, свидетельствами чего являются «Хрустальная ночь» 1938 г. и «Ночь длинных ножей» 1934 г. соответственно.

Не менее важной составляющей этической конструкции нацистской политической философии является прагматическая ориентация, которая в ряде случаев покрывала эмоциональные установки на социальную дискриминацию. В обществоведческом дискурсе последних десятилетий, оформившемся после окончания Второй мировой

<sup>1</sup> Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. VIII / пер. С. Мирошниченко. М.; Новочеркасск: Милитера, 2020. С. 244.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 232.



войны, активно проблематизируется априорное утверждение о человеконенавистнических мотивах и свирепой злобе нацистов по отношению к еврейской этнорелигиозной группе, причём данное утверждение в переложении на юридическую лексику, согласно законодательству некоторых стран, признаётся доксой. Однако было бы уместным обратить внимание на то обстоятельство, что приход нацистских лидеров к власти в разрезе отношения к еврейскому населению сочетался не с приступами компульсивной агрессии, а, скорее, с попытками извлечения собственной выгоды. Подтверждением данных слов служит «секретное соглашение Хаавара между представителями Англо-палестинского банка (где основные позиции имела ВСО<sup>1</sup>) и Министерством экономики Германии» [18, с. 39], которое действовало с ноября 1933 по декабрь 1939 гг. и стимулировало переезд евреев в Палестину. Интерес немецкого правительства состоял в том, что в соответствии с условиями соглашения репатрианты получали обязательство по депонированию на специальных счетах оговорённой денежной суммы, которая направлялась на покупку немецких товаров для последующей переправки в Палестину. Тем самым экономические власти Германии, помимо всего прочего, поддерживали национальный экспорт и путём «мягкой силы» выстраивали внешнеэкономические связи на отдельных торговых треках.

Притязания национал-социалистической доктрины в акмеологической сфере полностью укладываются в канву антропологических экспериментов, направленных на создание крепкого в физическом и психическом отношении репрезентативного представителя нордической расы в целом и на жёсткий отбор потенциальных кандидатов в элиту военно-политического класса в частности.

Примером тщательной акмеологической селекции являются испытания, которым подвергались ученики войск SS. Как отмечает М. Серрано, эти испытания «были безжалостно суровыми и связан-

ными с опасностью ... волевое обучение заходило так далеко, что тот, кто нарушал обещание по курению, совершал самоубийство ... основной принцип повиновения был такой же, как и у асасинов, рыцарей Тевтонского ордена и иезуитов, равносильный рабскому повиновению» [19, с. 135].

Примечательно, что, по мнению Ю. Эволы, нацистский подход к преобразованию человека существовал не столько ради себя самого, сколько для возрождения модели Ордена как ведущей институциональной структуры управления государством и остова политического порядка гитлеровского режима: «... Первоочередной задачей Третьего Райха становилось создание – посредством систематического воспитания подходящих людей – элиты, понимаемой как “носитель” идеи нового государства и соответствующего мировоззрения» [14, с. 363]. Но вместе с тем Эвола акцентирует внимание на евгенической основе национал-социалистической акмеологии: «Правда, в отличие от прежней древней традиции, в данном случае кроме особых качеств характера учитывались физические данные, и особое значение уделялось расовому фактору с упором на “нордический тип»» [14, с. 363].

Каркасом праксиологии национал-социалистической философии являлась выработанная *ad hoc* доктрина Gleichschaltung, которая означала эксплицитную зачистку социополитического пространства Германии по лекалам вождя нацистской партии. Причём данная доктрина тотальной доминации, несмотря на невозможность её использования в качестве инструмента консолидации всех слоёв немецкого общества, планомерно проводилась Гитлером с самого основания НСДАП. По мнению Гитлера, партия нацистов должна была стать не авангардом немецкой политики, а единственным политическим движением в стране, носителем полной и неделимой власти, далёкой от демократических устоев и либеральных институтов сдерживания управленческо-

<sup>1</sup> Всемирная сионистская организация.

го произвола. В сущности, как отмечает Ф. Л. Нойманн, Gleichschaltung раскрывается как «абсолютный контроль сверху» [20, с. 80], как унификация «федеральной, государственной, провинциальной и муниципальной деятельности» [20, с. 80].

Таким образом, в качестве промежуточного итога можем обозначить контуры политической философии национал-социализма. Онтическое ядро нацистской политической философии составляет экспликация бытия лидера национал-социалистического движения через свободу фюрера, которая детерминирует его неограниченную власть. Онтология нацизма представлена трактовкой власти и политики в ключе дихотомии друг / враг, апологией однопартийной диктатуры в качестве фундаментального актора политики, апорией вождизма и народничества. Гносеологический уровень нацистской политической философии связывается с настройкой исследовательской оптики по стандартам расового мышления в его натуралистической трактовке (раса как общность крови, диктующая сепарацию рас на вышестоящие и нижестоящие). Аксиологическую основу нацистской философии составляют культ силы и стремления к превосходству, апология догматической последовательности собственных взглядов, осознание необходимости элиминации ресентимента, вызванного итогами Первой мировой войны для Германии, принятие ценностей гуманизма и пацифизма исключительно через господство вышестоящей (арийской) расы. Этика нацистской политической философии прочно покоится на началах нравственного консеквенциализма и прагматизма, причём протекционистская перспектива, связанная с извлечением выгоды для собственной экономики, подчас перевешивала приступы компульсивной агрессии, привычно приписываемые гитлеровскому истеблишменту. Акмеология нацистской политической философии вылилась в проведение антропологических экспериментов, направленных на создание крепкого в физическом и психическом отношении

репрезентативного представителя нордической расы в целом и на жёсткий отбор потенциальных кандидатов в элиту военно-политического класса в частности, формируемую по принципам Ордена. Каркасом праксиологии национал-социалистической философии являлась выработанная ad hoc доктрина Gleichschaltung, которая означала эксплицитную зачистку социополитического пространства Германии по лекалам вождя нацистской партии.

### **Экономико-финансовая и банковская система Третьего рейха**

Траектория экономической политики нацистского режима была задана 10 февраля 1933 г. А. Гитлером на вилле Г. Геринга в ходе встречи с лидерами германской индустрии – Георгом фон Шнитцлером, Круппом фон Боленом и Альбертом Феглером. Гитлер в формате монолога обозначил собственное видение нового хозяйственного курса: идея частного предпринимательства противостоит демократическим устоям, «предпринимательство прежде всего основывается на принципах персональной ответственности и личного руководства, а демократия и либерализм неизбежно приводят к социал-демократии и коммунизму» [21, с. 145]. Зонтичные представления А. Гитлера о принципах организации хозяйственной системы, раскрытые им в ходе описанной встречи, в дальнейшем легли в основу закладываемойся экономической конституции Третьего рейха, которая зиждилась на централизме и неделимости власти при сохранении, как отмечают К. Буххайм и Й. Шернер, широкой автономии в распоряжении частной собственностью [22, р. 394].

Экономическую конституцию нацистского режима во многом определил Закон о подготовке органичного построения немецкой экономики от 27 февраля 1934 г. (Gesetz zur Vorbereitung des organischen Aufbaues der deutschen Wirtschaft), который институционализировал отраслевые бизнес-ассоциации в качестве посредника

в отношениях между отдельными организациями и Имперским министерством экономики<sup>1</sup>. Т. е., по сути, государство в одностороннем порядке ввело нормативизированный канал GR коммуникаций с буферным элементом в виде отраслевых объединений, направленный на «выстраивание взаимовыгодного диалога без использования прямых коррупционных практик» [23, с. 49].

Как отмечает А. Туз, деловые ассоциации, находившиеся в ведении министра экономики Третьего рейха Ялмара Шахта, подразделялись на райхсгруппы («в промышленности, банковском деле, страховании» [21, с. 155–156]), деловые группы («*Wirtschaftsgruppen*, которые действовали в горнорудной, сталеплавильной, машиностроительной и других сферах» [21, с. 156]) и отраслевые группы (*Fachgruppen* [21, с. 156]). В банковской сфере бизнес-ассоциация была представлена профессиональной группой частных банкиров (*Fachgruppe Privatbankiers*), которой руководил Курт Фрайхерр фон Шрёдер [24, р. 314–315].

Не менее важной вехой в закреплении основ гитлеровской экономической системы стал Закон о регулировании национального труда от 20 января 1934 г. (*Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit*), выступивший эманацией идеи фюрерства на организацию частнособственнических отношений и выстраивание внутренних процессов в обособлённых деловых единицах. Согласно § 1 данного Закона, предприниматель обозначается как лидер компании, а сотрудники предприятия – как его последователи, и их совместный труд направлен на обеспечение общего блага общества и государства<sup>2</sup>. По замечанию А. Туза, содержащаяся в Законе о регулировании на-

ционального труда риторика «фюрерства» получила поддержку среди страты отраслевых менеджеров, поскольку «она была слишком близка концепции “предпринимательского лидерства” (*Unternehmertum*), становившейся всё более модной в деловых кругах в качестве идеологического противовеса интервенционистским тенденциям, свойственным профсоюзам и веймарскому государству социального обеспечения» [21, с. 148–149].

Реверсом сохранения институтов частной собственности и предпринимательства в Третьем рейхе стала милитаризация экономики, проводившаяся сообразно с механизмами планирования. Однако, если директивное управление хозяйством в Советском Союзе строилось на базе национализированной собственности, нацистская экономическая модель покоилась на государственно-монополистическом капитализме, концентрации промышленности, торговли, транспортной сферы и строительства для последующего наращивания оборонительной и наступательной мощи.

Во многом данная модель походит на общегерманскую вертикально-интегрированную структуру, в рамках которой имеют место централизация и единая координация процессов извлечения природных ресурсов, их переработки в готовые изделия военного назначения и логистики до места назначения. В то же время, как замечают К. Буххайм и Й. Шернер, план не являлся инструментом полного подчинения хозяйственной автономии вовлечённых в его исполнение деловых единиц: за последними сохранялась самостоятельность в принятии инвестиционных решений, а механизм планирования не предусматривал регламентации структуры и объёма инвестиций [22, р. 395].

Старт планирования был положен 9 сентября 1936 г. на съезде Национал-социалистической немецкой рабочей партии, в ходе которого была согласована четырёхлетняя программа развития немецкого хозяйства (*Vierjahresplan*), уполномоченным которой был назначен давний соратник Гитлера Герман

<sup>1</sup> Gesetz zur Vorbereitung des organischen Aufbaues der deutschen Wirtschaft. Vom 27. Februar 1934 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.documentarchiv.de/ns/1934/wirtschaft\\_ges.html](http://www.documentarchiv.de/ns/1934/wirtschaft_ges.html) (дата обращения: 21.12.2024).

<sup>2</sup> Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. Vom 20. Januar 1934 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.documentarchiv.de/ns/nat-arbeit.html> (дата обращения: 21.12.2024).

Геринг. Последнему удалось в 1937 г. создать государственный военный концерн “Reichswerke Hermann Goering”, изначальная цель которого – разработка на территории Германии рудных месторождений [22, р. 391], и статья одним из его выгодоприобретателей.

Что касается банковской сферы, её развитие во многом было дистанцировано от милитаристских устремлений нацистских лидеров и подчинённости Четырёхлетнему плану, что, однако, не исключало государственного вмешательства в банковскую систему и внедрения контрольно-надзорного инструментария.

Вместе с тем говорить о том, что нацистские финансово-экономические власти сознательно воздерживались от национализации частных банков и включения их в лоно плановой экономики, не приходится. Как отмечает А. Туз, «если бы верх одержало левое крыло нацистов, то не исключено, что власти осуществили бы полномасштабную национализацию банковской системы с последующей ликвидацией национальных коммерческих банков и созданием интегрированной системы региональных банков» [21, с. 159-160], а антагонистом радикальной банковской политики выступил опытный финансист и управленец Я. Шахт, усилиями которого был пролоббирован реформистский курс в отношении негосударственного банковского сектора.

Кроме всего прочего, не исключено, что недопущению национализации коммерческих банков способствовал уже установленный по итогам кризиса 1931 г. контроль государства за тремя крупнейшими банками страны – Deutsche Bank, Dresdner Bank и Commerzbank, которые, однако, были возвращены во владение частных акционеров в 1936–1937 гг. [22, р. 406].

Компромиссом между экономической автономией частных банков и их национализацией стала институционализация регуляторных механизмов Райхсбанка в отношении частного банкинга, начавшаяся 5 декабря 1934 г. вследствие утвержде-

ния Имперского закона о кредитовании (Reichsgesetz über das Kreditwesen<sup>1</sup>).

В первую очередь были учреждены такие органы банковского надзора, как Наблюдательный совет за кредитной системой и Райхскомиссар кредитной системы, аффилированные с Райхсбанком. Наблюдательный совет представлял собой коллегиальный орган, состоявший из семи членов: президента и вице-президента Райхсбанка, которые становились председателем и вице-председателем совета, заместителей секретаря по департаментам казначейства, экономики, сельского хозяйства и внутренних дел, а также уполномоченного представителя Райхсканцлера [17, р. 16]. В компетенцию Наблюдательного совета за кредитной системой входило установление общих принципов и правил функционирования подконтрольных акторов банковской системы, тогда как Райхскомиссар кредитной системы отвечал за выполнение мероприятий, санкционированных Наблюдательным советом [17, р. 15–16].

В совокупности с появлением надзорных институтов Имперским законом о кредитовании вводились мероприятия количественного и качественного контроля за финансовым состоянием частных банков и проведением самостоятельной кредитной политики. Количественный инструментарий предусматривал контроль над собственными средствами банка, направленными на поддержание ликвидности. Качественный инструментарий состоял в мониторинге долгового рынка (раз в месяц банки были обязаны подавать Райхскомиссару кредитной системы сведения о заёмщиках, ссудная нагрузка которых превышала 1 млн райхсмарок) и разумности предоставления банками единовременных кредитов на сумму, составляющую значительный процент от собственных средств кредитного учреждения [17, р. 17].

<sup>1</sup> Reichsgesetz über das Kreditwesen. Vom 5. Dezember 1934 (RGBl. TI 1, S. 1203) mit den Durchführungsbestimmungen. Stuttgart [N, Lange Str.18]: Württ. Fachverl., 1935. 40 p.

Как было замечено в научной печати, установленное Имперским законом о кредитовании регулирование поспособствовало институционализации усилий по решению проблемы недостаточной ликвидности и иностранной зависимости, что сочеталось с мероприятиями нацистского режима по директивному вмешательству в экономику [25, р. 123]. В то же время делается вывод о расхождении между введёнными инструментами денежно-кредитной политики и общей траекторией нацистского курса. По мнению Р. Йи, банковское право Третьего рейха не являлось, в сущности, продуктом нацистской политики: если бы нацисты действительно контролировали ход реформы 1934 г., на горизонте возник бы вопрос национализации всей банковской системы [25, р. 123].

### Выводы

Заметное влияние на функционирование банковской системы Третьего рейха оказал праксиологический блок корпуса национал-социалистической философии, связанный с воплощением идеи единообразного преобразования социополитического ландшафта сообразно с постулатами нацизма. В первую очередь речь идёт о внедрении в экономические отношения (и в том числе в банковскую сферу) принципа фюрерства, который, с философской точки зрения, означал эманацию идеи вождизма на отношения внутри обособленных организаций: глава частной банковской структуры становился подобием фюрера в своей компании, единоличным руководителем и осевым элементом управленческой вертикали банка.

В то же время проникновение политической философии национал-социализма в банковскую сферу, являющееся частным случаем имплементации праксиологической доктрины Gleichschaltung, не носило всеобщего характера.

Более того, экономической истории Германии времён Третьего рейха известны случаи успешного противостояния руководства региональных банков по-

пыткам нацистского вмешательства в их управление, о чём, по мнению Х. Меллера, свидетельствует опыт функционирования Баварского объединённого банка [26].

Следовательно, тоталитарные притязания, закладываемые в основу философии национал-социализма как непреложная интенция, не могли в полной мере реализоваться в банковском секторе. Банковская система продолжала развиваться в лоне частнособственнических отношений, хоть и подлежала государственному контролю, который осуществлялся как через законодательные и надзорные меры со стороны Райхсбанка, Наблюдательного совета за кредитной системой и Райхскомиссара кредитной системы, так и посредством получения контрольных пакетов акций крупных негосударственных банков.

### Заключение

Таким образом, нацистские идеи, как показала практика функционирования банковской системы, прошли преломление через реалии экономической жизни гитлеровской Германии. Рассмотренный кейс, в сущности, является демонстрацией того, что идеальные политико-философские типы (в данном случае – тип тоталитарного государства) являются умозрительной абстракцией, требующей дальнейшей экспликации и фальсификации на основе, казалось бы, вторичных сфер социальной организации. Трудно спорить с тем, что А. Гитлер сознательно стремился к построению тотальной политико-государственной организации, основанной на имплантации контроля во все сферы социетальной среды, и в том числе в банковскую систему. Однако в действительности успешная зачистка политического поля в некотором смысле контрастирует с попытками вмешательства нацистского политикума в банковскую сферу, которая хоть и впитала в себя праксиологический концепт Gleichschaltung через идею локального экономико-организационного фюрерства, но продолжала развиваться сообразно с логикой рыночных отношений.



## ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.
3. Джентиле Э. Фашизм. История и истолкование. СПб.: Владимир Даль, 2022. 559 с.
4. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: Владимир Даль, 2021. 398 с.
5. Zubov V. V. Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времён холодной войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 20–26. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-20-26
6. Филиппов А. Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.
7. Новиков О. Г., Филиппов А. Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием // Власть. 2024. № 3. С. 94–100.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. Сухум: Аписны, 2023. 488 с.
9. Хайдеггер М. О существе человеческой свободы. Введение в философию. СПб.: Владимир Даль, 2018. 416 с.
10. Джентиле Дж. Введение в философию. СПб.: Алетейя, 2000. 470 с.
11. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
12. Филиппов А. Р., Новиков О. Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 13–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-5-13-28
13. Эвола Ю. Люди и руины. М.: Опустошитель, 2019. 296 с.
14. Эвола Ю. Политические трактаты. М.: Опустошитель, 2020. 388 с.
15. Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей; Олма-Пресс, 2000. 765 с.
16. Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии. М.: Белые альвы, 2002. 480 с.
17. Клаусс Л. Ф. Раса и душа. Практическая психоантропология. М.: Белые альвы, 2014. 384 с.
18. Масюкова И. В. Еврейская эмиграция в подмандатную Палестину (1917–1939 гг.): надежды и реальность // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 13. С. 32–45.
19. Серрано М. Золотая цепь. Тамбов: Белые традиции, 2007. 320 с.
20. Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944. СПб.: Владимир Даль, 2015. 591 с.
21. Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М.: Институт Гайдара, 2019. 864 с.
22. Buchheim C., Scherner J. The Role of Private Property in the Nazi Economy: The Case of Industry // The Journal of Economic History. 2006. Vol. 66. № 2. P. 390–416.
23. Шатилов А. Б. GR: что это такое и почему в нем возникает потребность у бизнеса? // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 1. С. 49–54.
24. Snyder L. L. Encyclopedia of the Third Reich. New York: Marlowe, 1998. 410 p.
25. Yee R. A State of Supervision: The Political Economy of Banking Regulation in Germany, 1900s–1930s // Business History Review. 2023. Vol. 97. Iss. 1. P. 93–125.
26. Möller H. Die Bayerische Vereinsbank zwischen Resistenz und Gleichschaltung 1933–1945 [Электронный ресурс] // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte: [сайт]. 2015. Vol. 63. Iss. 1. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/vfzg-2015-0001/html> (дата обращения: 10.09.2024).

## REFERENCES

1. Arendt, H. (1996). The Origins of Totalitarianism. Moscow: CenterCom Publ. (in Russ.).
2. Arendt, H. (2008). *The Banality of Evil. Eichmann in Jerusalem*. Moscow: Evropa Publ. (in Russ.).
3. Gentile, E. (2022). *Fascism. History and Interpretation*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
4. Gentile, E. (2021). *Political Religions. Between Democracy and Totalitarianism*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
5. Zubov, V. V. (2022). Comparative Analysis of Ideological Platforms of Political Parties (on the example of the West vs. East Germans in the Cold War). In: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 12 (4), 20–26. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-20-26 (in Russ.).
6. Filippov, A. R. (2024). Political ideology as a form of manipulation. In: *The Authority*, 3, 133–139 (in Russ.).
7. Novikov, O. G. & Filippov, A. R. (2024). Mechanisms for manipulating public consciousness. In: *The Authority*, 3, 94–100 (in Russ.).

8. Heidegger, M. (2023). *Being and Time*. Sukhum: Apsny Publ. (in Russ.).
9. Heidegger, M. (2018). *On the essence of human freedom. Introduction to philosophy*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
10. Gentile, G. (2000). *Introduction to philosophy*. St. Petersburg: Aleteia Publ. (in Russ.).
11. Schmitt, K. (2016). *The Concept of the Political*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
12. Filippov, A. R. & Novikov, O. G. (2023). Theoretical Approaches to the Study of Social Consensus. In: *Social and Political Sciences*, 13 (5), 13–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-5-13-28 (in Russ.).
13. Evola, J. (2019). *People and Ruins*. Moscow: Desolator Publ. (in Russ.).
14. Evola, J. (2020). *Political Treatises*. Moscow: Desolator Publ. (in Russ.).
15. Gobineau, J. A. (2000). *An Essay on the Inequality of the Human Races*. Moscow: Odyssey Publ., Olma-Press Publ. (in Russ.).
16. Gunther, G. F. K. (2002). *Selected Works on Raciology*. Moscow: White Elves Publ. (in Russ.).
17. Klauss, L. F. (2014). *Race and Soul. Practical Psychoanthropology*. Moscow: White Elves Publ. (in Russ.).
18. Masyukova, I. V. (2018). Jewish Emigration to Mandatory Palestine (1917–1939): Hopes and Reality. In: *Transactions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*, 13, 32–45 (in Russ.).
19. Serrano, M. (2007). *The Golden Chain*. Tambov: White Traditions Publ. (in Russ.).
20. Neumann F. L. *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944*. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
21. Tuz, A. (2019). *The Price of Destruction. The Creation and Death of the Nazi Economy*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (in Russ.).
22. Buchheim C. & Scherner J. (2006). The Role of Private Property in the Nazi Economy: The Case of Industry. In: *The Journal of Economic History*, 66 (2), 390–416.
23. Shatilov, A. B. (2011). GR: What is it and why does business need it? In: *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 1, 49–54 (in Russ.).
24. Snyder, L. L. (1998). *Encyclopedia of the Third Reich*. New York: Marlowe.
25. Yee, R. (2023). A State of Supervision: The Political Economy of Banking Regulation in Germany, 1900s–1930s. In: *Business History Review*, 97 (1), 93–125.
26. Möller, H. (2015). Die Bayerische Vereinsbank zwischen Resistenz und Gleichschaltung 1933–1945. In: *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 63 (1). Available at: <https://doi.org/10.1515/vfzg-2015-0001> (accessed: 09.10.2024).

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубов Вадим Владиславович (г. Москва) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);  
e-mail: zubov305@yandex.ru

Филиппов Антон Русланович (г. Москва) – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;  
e-mail: anfilippov98@mail.ru

### INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vadim V. Zubov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Assoc. Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;  
e-mail: zubov305@yandex.ru

Anton R. Filippov (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Comparative Political Science, RUDN University;  
e-mail: anfilippov98@mail.ru